

В. В. Половинская

ОЛАВЫ И ГАРДЫ: РОЛЬ РУСИ В САКРАЛИЗАЦИИ КОРОЛЕЙ-МИССИОНЕРОВ

«Здесь, на Руси, — писал Г.С. Лебедев, — обычно проходит какой-то ранний этап деятельности конунгов-викингов, королей-миссионеров. Здесь обретают они свое духовное призвание; отсюда начинается пронизанное провиденциальным устремлением, мученическое в конечном счете шествие на Север, к утверждению государственного единства наследственной державы, осененного христианской благодатью. Олав Трюггвассон, Олав Святой и закрепляющий их свершения Харальд Суровый проходят как бы посвящение при дворе великого князя киевского и уходят на Север, провожаемые напутствием Ярослава Мудрого — Ярицлейва скандинавских саг»¹. Однако много раньше Е.А. Рыдзевская высказала мысль, что первый в этом ряду норвежских «королей-миссионеров» Олав Трюггвассон представлен в саге монаха Одда в качестве участника крещения Руси и посредника между Русью и Византией с целью возвеличения²; причем данное возвеличение конунга, по мнению Т.Н. Джаксон, вполне органично дополняет³ его (ставший в средневековой литературе традиционным) образ крестителя северной части мира⁴. Вероятно, Древнюю Русь (Гарды/Гардарики скандинавов) неправомерно видеть ни как некое сакральное пространство, способное дать импульс правителям Севера, даже «выпестовать» их, ни как подобие «декораций» для повествования саги — истина лежит где-то посередине.

Упомянутая героизация конунга как неперемный компонент литературного стереотипа «знатный скандинав на Руси», согласно убедительной аргументации исследователей⁵, предполагает художественный вымысел — как полный, так и базирующийся на реальных исторических событиях, известных автору саги из того или иного источника, — и подразумевает, что

как противники, так и друзья уступают возвеличиваемому персонажу саги в определяющих, важнейших качествах, и таким образом их недостатки отменяют достоинства героя. При этом, тем не менее, скандинавам представлялось почетным превосходить объективно достойное окружение. Объективность, вероятно, зависела и от, разумеется, информированности автора повествования, и от его предполагаемой аудитории: «Хотя у скальдов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не решился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель знают, что это явная ложь и небылицы. Это было бы насмешкой, а не хвалой...»⁶ Подобная этика, в частности, объясняет достоверность скальдической поэзии и стереотипность саг.

Таким образом, как русские князья (в особенности Ярослав-Ярицлейв, с именем которого связано значительное количество сюжетов исландских королевских и родовых саг⁷), невзирая на предполагаемое искажение их образов устной традицией и авторами саг, так и Русь в целом хорошо знакомы скандинавским источникам и оценены ими весьма высоко. Представляется уместным упомянуть, что, проводя параллели между библейскими и саговыми текстами, в сюжете Одда о бегстве Олава с матерью «на восток в Гарды» исследователи видят библейский рассказ о пребывании Иосифа в Египте (что подтверждается и самим автором саги⁸); и, таким образом, Русь занимает место Египта, а выкупивший юного Олава из плена в Эйтланде его дядя по матери Сигурд, в то время состоящий на службе у русского князя, — место «царедворца Фараонова» Египтянина Потифара. Явное преувеличение того почета, который Сигурд имел от князя, вписывается в указанную стереотипную формулу возвеличения норвежского вождя и служит подтверждением несомненной «престижности» службы у правителей Гардарики.

Для сравнения приведу следующий фрагмент из «Круга земного»: «Некоторое время спустя конунг (Олав Трюггвасон. — *В.П.*) проснулся и спросил, где гость, и велел позвать его. Но гостя нигде не нашли. На следующее утро конунг велит позвать повара и того, кто готовил питье, и спрашивает их, не приходил ли к ним какой-нибудь незнакомец. Те говорят, что, когда они собирались стряпать, подошел к ним какой-то человек и сказал, что больно плохое мясо варят они к конунгову столу. Затем он дал им два больших и жирных куса говядины, и они сварили их вместе с другим мясом. Тогда конунг велел все это варево выбросить.

— Наверное, это был не человек, — сказал он, — это был, наверное, Один, в которого язычники долго верили. Но Одину не удастся перехитрить меня»⁹.

Вне сомнений, сам Один, «всеотец» и «отец ратей», культ которого сложно переоценить для народов Севера, является более чем показательным в роли антагониста Олава. Рассмотрим данный пассаж подробнее.

Адам Бременский под 1080 годом пишет: «Кое-кто говорил, что он (Олав. — В.П.) был христианином, другие — что он отступился от веры, но все сходятся на том, что он был очень искусен в прорицаниях, предсказывал судьбу и верил в гадания по птицам. Оттого он и получил свое прозвище Кракабен (Воронья Кость). Также рассказывают, что он занимался колдовством и держал при себе колдунов, с помощью которых завоевал страну...»¹⁰ Во времена Трюггвасона, как можно сделать вывод из «Саги об Оде Стреле», борьба с поклонением языческим богам сосуществовала с языческим мировоззрением, включавшим магию, кудесничество, колдовство, ведовство в число обыденных явлений¹¹. Сопоставив свидетельства Снорри и Адама, возьму на себя смелость предположить, что Олав — сложно отделимая от персонажа литературы и легенд историческая личность — не столько вытеснял языческую веру верой в Христа, сколько, если можно так выразиться, под покровительством и с благословения последнего¹² пытался заменить в сознании норвежцев фигуру Одина своей, во многом уподобляясь «богу воронов»¹³ и «волку битвы»¹⁴. Гвин Джонс в своей «Легендарной истории Олава Трюггвасона» окрестил конунга не кем иным, как «кормильцем воронов и волков»¹⁵, — сложно не увидеть в данной поэтической характеристике аллюзию к сопровождающим Одина воронам Хугину и Мунину и волкам Гери и Фреки. Таким образом, христианская эвгемеризация¹⁶ в известной мере уравновешивалась сакрализацией, даже мифологизацией исторических личностей, как мы видим на примере Олава Трюггвасона и позже Олава Харальдссона. Такое «языческое» христианство, адаптированное к местным верованиям (а местами и слившееся с ними), постепенно сменяло культы прежних богов.

В контексте вышеизложенного Гарды «конунга Вальдамара» (князя Владимира) и весь Восточный путь, Аустрвег, в умах современников авторов саг про Олава Трюггвасона скорее заняли место их мифического Утгарда («прибежища... сил отживающего язычества»¹⁷, попасть в который возможно, двигаясь на восток¹⁸), нежели виделись им местом духовной инициации. Впрочем, Олав I Воронья Кость, как и его «предшественник» Один, пришел на север с новой верой с востока, что, с другой стороны, косвенно приравнивает к жилищу богов-асов Асгарду то ли Миклагард-Константинополь, то ли Русь-Гардарики.

Олав Святой фольклора, с его рыжей бородой, защитой людей от троллей¹⁹ и прочим, явился преемником бога Тора, но для нас представляет интерес другое— связанные сюжетно с Русью прижизненные и посмертные чудеса конунга, а также посвященный ему в Новгороде храм, летописная «варяжская церковь». Данный вопрос, на мой взгляд, наиболее полно был рассмотрен Е.А. Мельниковой²⁰ и Т.Н. Джаксон²¹. Опираясь на их исследования, возможно определить роль Руси в сакрализации Олава Харальдссона следующим образом.

Во-первых, прижизненные чудеса Святого Олава, локализованные на Руси, как и другие подобные им чудеса-исцеления «бытового» характера, образуют общий так называемый народный пласт сказаний о святом; русские же посмертные чудеса являются двумя из четырех произошедших за пределами Скандинавии и, ставя в центр событий церковь св. Олава в Новгороде, «не только демонстрируют чудотворную силу святого, но... помещают в эпицентр сюжета церковь и ее священнослужителей как посредников между святым и ее почитателями»²².

Во-вторых, «храмовый» характер указанных новелл свидетельствовал о распространенности почитания норвежского святого вплоть до далекого, с точки зрения скандинавов, Новгорода, что, по мнению Е.А. Мельниковой, и побудило епископа Эйнштейна включить их в составляемый «канонический» свод²³.

В-третьих, популярности культа в среде новгородцев и скандинавского контингента на Руси активно способствовал во время своего пребывания там сводный брат Олава Харальд Хардрода (Суровый Правитель). Если точная датировка возведения посвященного святому Олаву храма в Новгороде еще вызывает споры в научных кругах²⁴, то отсутствие симпатий Ярослава к противникам Олава и прекращение им торговых отношений с Норвегией, а также гонения на норвежцев после прихода к власти Свейна Альвивусона можно считать доказанными. Подобная политика Ярослава Владимировича, очевидно, активизировала воспоминания об Олаве Харальдссоне, тем самым укрепив позиции его родичей (брата Харальда, сына Магнуса), сторонников и почитателей.

Важным также представляется вывод Мельниковой о том, что церковь св. Олава для постоянно проживающих в Новгороде или посещающих его скандинавов, помимо своего культурного и конфессионального значения, служила цели упорядочивания торговых связей этой области со странами Балтийского региона.

Итак, можно констатировать наличие культурно-идеологического, духовного обмена между Древней Русью и Скандинавскими странами (в частности, Норвегией) и подчеркнуть его двусторонний характер. Что же касается роли Руси в сакрализации обоих Олавов, Трюггвассона и Харальдссона, то нельзя отрицать, что «в композиции «Хеймскринглы» мотив пребывания конунгов-миссионеров «на Востоке в Гардах» фиксирует поворотные моменты в судьбах Норвегии»²⁵. Вне сомнений, этот вопрос требует от исследователей своего дальнейшего рассмотрения.

* * *

¹ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

² Рыдзевская Е.А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвассоне // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. М.; Л., 1935. Т. II. С. 5–20.

³ Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси: из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI века. М., 2002.

⁴ Fidjestol B. Olaf Trygvason the Missionary. A Literary Portrait from the Middle Ages // Fidjestol B. Selected Papers / Ed. by O. Einar Haugen, E. Mundal. Odense, 1997. P. 201–227.

⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников: учеб. пособие / М.В. Бибииков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др.; под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999.

⁶ Снорри Стурлусон. Круг Земной / А.Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 9–10.

⁷ Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 79.

⁸ «Но Бог, который не хочет, чтобы скрывались честь и слава его друзей, как не должен свет скрываться во тьме, сделал тогда великой славу этого молодого человека и освободил его из этой неволи, как в былые времена освободил он Иосифа» (Saga Olafs Trygvasonar av Oddr Snorrason munkr / Finnur Jonsson. Kobenhavn, 1932. К. 7; цит. по: Джаксон Т.Н. Указ. соч.)

⁹ Снорри Стурлусон. Круг Земной. LXIV.

¹⁰ Цит. по: Гвин Джонс. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2004.

¹¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников.

¹² Уподоблявшегося, как известно, в скальдической поэзии владыкам земным и в каком-то смысле выступавшим их «сеньором» даже более, нежели небесным патроном; см., к примеру, поэтическое уподобление Христа Харальду Суровому в кеннинге «страж, хранитель Греции и Гардов» (*Girkja vörð ok Garða*) погребальной драпы Арнора Тордарсона: Успенский Ф.Б. Заметки о топонимике в поэтическом мире скальдов. Кто был «страж Греции и Гардов» в глазах поэта XI века? // Древнейшие государства Восточной Европы—2009. М., 2010.

¹³ Видение Гюльви // Младшая Эдда. М., 1994. С. 38.

¹⁴ Язык поэзии // Младшая Эдда. М., 1994. С. 9.

¹⁵ Jones G. The Legendary history of Olaf Tryggvason. Glasgow, 1968. P. 7.

¹⁶ Помимо процитированного описания встречи Олава с Одним см. там же у Снорри («Сага об Инглингах», II): «Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одним. <...> Один был великий воин, и много странствовал, и завладел многими державами. Он был настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и поэтому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним. Посылая своих людей в битву или с другими поручениями, он обычно сперва возлагал руки им на голову и давал им благословение. Люди верили, что тогда успех будет им обеспечен. Когда его люди оказывались в беде на море или на суше, они призывали его, и считалось, что это им помогало».

¹⁷ Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках. СПб., 2002.

¹⁸ Младшая Эдда. М., 1994; Перебранка Локи // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

¹⁹ См., к примеру: Святой Олав и тролли // Скандинавская баллада. М., 1978.

²⁰ Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 125–132.

²¹ Джаксон Т.Н. Указ. соч.

²² Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 129.

²³ Там же.

²⁴ Джаксон Т. Н. Указ. соч. Гл. «Чудо иконы Св. Олава...»

²⁵ Лебедев Г.С. Указ. соч.